

ВЛАДАРГ ДЕЛЬСАТ

Победный день

МИРЫ ТАУРИС

Annotation

Девяностые годы. Детдом, жестокий и равнодушный. Здесь и встречаются Гриша и Маша. Но жизнь детей кажется резко оборвавшейся, когда их автобус попадает в аварию. Гриша с Машей внезапно оказываются в новом для себя мире. Они еще не знают, что по ошибке капризного высшего существа ступили на путь Трех Испытаний. И первое испытание: не умереть в голодном и холодном блокадном Ленинграде. Бороться за каждый кусочек черного хлеба, за каждый день жизни. Пока не наступит победный день. Вот только смогут ли Гриша с Машей дожить до этого дня и пройти оставшиеся два испытания?

Владарг Дельсат

Победный день

Глава первая

Это была обычная экскурсия. Ну, насколько могла показаться обычной поездка детдомовских детей на экскурсию в Петергоф. На дворе стояли девяностые годы, отчего радости у простых сирот не было никакой. Хотя какие радости у детей постсоветской эпохи? Родившийся в восемьдесят втором году Гриша родителей не знал, всю жизнь он провел в детских домах, видел и тёплое к себе отношение, и холодное, особенно в последние годы. Хорошо понимая, что у него никого нет, мальчик тем не менее не озверел окончательно, находя в себе силы помогать тем, кто слабее. Таким, как Маша.

У Маши все было очень непросто. Поначалу Гриша даже не представлял себе, что происходит с белокурой синеглазой девочкой, так часто плакавшей. Была она очень красива, из-за чего обращала на себя внимание старших ребят, ибо порядки в их детском доме казались скорее волчьими. Но быстро уяснив, что пацан вполне способен не только настучать, но и воткнуть нож в печень, девочку трогать перестали. Гриша понимал, что это временно, но хоть небольшая отсрочка уже представлялась чем-то очень важным. Надолго он не загадывал.

Казалось, замкнутость Маши не пересилить, так и будет молчать и тихо плакать, но однажды... Однажды Гриша подслушал плач девочки. И вот услышанное заставило его просто замереть, потому что получалось, что ее предали самые близкие люди.

Маша родилась на исходе зимы восемьдесят второго года в семье рабочих. Мама работала на ткацкой фабрике, папа на заводе, куда часто брал с собой маленькую Машеньку, привыкшую к виду станков и деталей. Лет до семи девочка считала себя самой счастливой на свете – папа даже однажды с ней вместе деталь точил! Но вот потом... Мама начала ругаться с папой, а он начал пить водку и драться. Маша узнала, что такое «ремень» и что бывает, если лезть к пьяному папе.

Прошло совсем немного времени, и мама... ушла.

– Ты остаешься с папой, – сказала ей тогда мама. – Боря против чужих детей, а мне надо строить свою жизнь.

Тогда Маша не поняла, о чем мамочка говорит, но, когда та не вернулась и через неделю, девочка спросила папу. Почему мужчина решил, что виновата дочь, – кто знает, но избил он её тогда сильно. Спустя почти месяц забрал ее из школы и отдал какой-то тётке. Маша не понимала, почему должна оставаться с тёткой и не может поехать домой, она плакала, просилась, за что получила несколько раз по лицу. А потом узнала – папочка сдал её в детский дом, отказавшись от неё. Девочка, которую бросила мама и предал папа, никак не могла найти в себе силы поверить в произошедшее, отчего много плакала.

Этот мальчик, Гриша, часто сквернословил, но оказывался рядом каждый раз, когда Маше хотели сделать больно или... стыдно. Не сразу, но девочка поняла, что он защищает её, вот только почему... Девочки объяснили ей, зачем мальчишки защищают девочек и... Маша смирилась. Жить ей всё равно уже было незачем, а подобных объяснений она просто не поняла.

– Завтра мы отправляемся на экскурсию, – объявила Вера Матвеевна, их воспитательница. – Выглядеть прилично. Кто будет хулиганить – пожалеет.

Она знала, о чём говорила, – попасть в кабинет к воспитательнице было делом очень

страшным. Они и словами могла довести до истерики, но словами женщина никогда не ограничивалась, придумывая унижительные и, что скрывать, болезненные наказания, поэтому боялись её даже хулиганы. Рано или поздно такие методы воспитания могли закончиться для Веры Матвеевны плохо, но женщина совсем об этом не думала, упиваясь своею властью над детьми.

– Тебе помочь? – услышала девочка голос Гриши, но только покачала головой. Помогать просто не с чем – со своими волосами, по какой-то причине не остриженными накоротко, Маша справлялась сама, а платье и так было в порядке.

– Спасибо... – прошептала она, заметив взгляд мальчика, брошенный на кого-то. Осознавать себя под защитой было как-то тепло, пусть потом придётся расплачиваться, но это будет точно не сейчас.

Гриша о своём везении знал. С детства ему везло – не попасться милиции, когда воровал, не привлечь внимания, когда порезал старшего мальчика, ну и по мелочи ещё, конечно. Он, что и говорить, озверел, но не так, как старшие. Связываться с ним не хотели, тоже отмечая, что Григорий как-то проскакивает сквозь все устроенные ему ловушки.

В детдоме кормили не так чтобы очень сытно, поэтому старшие заботились о младших, особенно о малышах. Это было, несмотря на всеобщее озверение, нормой. Но Гриша подкармливал ещё и Машу, очень уж худенькой она казалась. Они все не могли похвастаться большим весом, потому прятать хлеб считалось тоже нормой.

На следующее утро, придирчиво проверив внешний вид, чуть ли не задирая при этом юбки, поджавшая губы воспитательница загнала всех в старенький «ЛАЗ», который спустя долгую минуту после закрывания единственной своей двери, с рыком завёлся. По салону потёк сизый дымок выхлопных газов, заставляя закашливаться. Затем автобус со страшным скрежетом двинулся с места. Он ехал, поскрипывая сочленениями, будто желая развалиться на каждой кочке.

Гриша сидел у окна, глядя на жизнь города, в который они въезжали. Он чувствовал себя чужим здесь, никому не нужным, брошенным. Ведь так и есть на самом деле – если мамы и папы никогда не было, значит, его бросили. Впрочем, с этим мальчик давно уже смирился. Смысла в его жизни не было... Вот разве что Машку защитить...

Автобус остановился на какой-то площади, их принялись выгонять из него, что означало – экскурсия началась. Теперь нужно пару часов изображать внимание, чтобы не злить надзирательницу, как все называли Веру Матвеевну.

Подстраховав на выходе Машку, Гриша пошел вслед за всеми, внимательно оглядываясь вокруг. В воровстве он ничего естественного не видел, потому что ничто из украденного не тратил на себя, а ради улыбки малышей, получивших конфету, рисковать, по его мнению, стоило.

Маша шла спокойно, стараясь далеко от Гриши не отходить, чтобы не оказаться в беде. Несмотря на то, что ей уже тринадцать, как и ему, но выглядела девочка более младшей, что её пока и защищало. Сейчас им предстоял поход в музей, совершенно не интересовавший не самую сытую девочку, но назначенный с завтрака кусок хлеба надо было растянуть максимально, и она старалась не думать о еде.

Сунувший ей в руку конфету Гриша умудрился сделать это совсем незаметно. Маша просто поразилась – откуда она у него? Мысль о том, что конфету или деньги на неё можно украсть, в Машинной голове не задержалась. Девочка шла за всеми не слушая, о чём ей говорят, и понимала, что хотела бы оказаться подальше от этой страны, там, где, по слухам,

рай земной – в Америке или Европе. Однако Маша отлично понимала отсутствие шансов на исполнение мечты, поэтому только вздыхала, рассасывая карамельку – первую свою сладость за очень долгое время.

После экскурсии они вышли на ту же улицу. Им дали возможность постоять на улице, пока экскурсовод – дородная сытая тётка – рассказывала о каких-то архитектурных стилях. Вокруг витали вкусные запахи сдобы и даже, кажется, шоколада, отчего Маше хотелось плакать – это была пытка, просто страшная пытка для ничуть не насытившейся конфетой девочки. Но люди вокруг равнодушно проходили мимо, не глядя на одинаково одетых детей.

Вдруг Маша вздрогнула, прикипая глазами к женщине, одетой в шубу, несмотря на летнюю погоду. Красивая чёрная машина с затонированными стеклами выпустила эту женщину, заставив девочку вскрикнуть. Широко раскрытыми глазами Маша наблюдала за тем, как бросившая её женщина жеманничала с каким-то шкафообразным дядей, облачённым в красный пиджак. Цвет брюк его и рубашки девочка даже не заметила, понимая теперь, куда делась мама.

– Мама! – вскрикнула Маша, рванувшись было к ней, но Гриша остановил девочку, понимая, что если это даже и «мама», то вряд ли ей нужна дочь.

Женщина равнодушно посмотрела на детей и отвернулась, а Маша просто расплакалась. Гриша, не очень понимая, что делает, развернул девочку к себе, прижимая к детдомовской курточке, а сам смотрел на «хозяев жизни», запоминая. Мальчик не знал, что «муж» мамы девочки тоже услышал этот крик, приказав своим «браткам» разузнать о ребёнке. Борис был бандитом, однако подлецом себя не считал, а вот его «жена» – девка красивая, но глупая, как оказалось, поступила, по его собственному выражению, «не по понятиям».

– Тише, тише... – успокаивал Гриша Машу. – Не дай бог надзирательница услышит, чекистка недобитая...

– Гриша, но это же мама... Это мама! А я... А она... – девочка всё не могла успокоиться. Одно дело – слышать от папы, что мама бросила, и совсем другое – вот так, в лицо.

Наконец девочку удалось успокоить. Она ещё всхлипывала, но уже вполне смогла найти дорогу к автобусу и забраться внутрь. Гришка просто представил себя на месте девочки, понимая, что такие новости и его могли вполне просто размочалить. Но, на своё счастье, как выглядели его родители, мальчик не знал, очень этому факту сейчас радуясь.

Усадив Машку к окну, Гриша уселся рядом с ней, взяв не возражавшую девочку за руку. А Маша будто была не здесь – перед её глазами стояла мама, брезгливо смотревшая на девочку. Выдержать это оказалось просто невозможным. Маше казалось, будто что-то трещит в самой её голове, грозя погрести её саму под осколками.

– Сейчас у нас будет экскурсия по Петергофу, – заявила «надзирательница». – Затем обед. Вас, выроdkов, решили угостить. Только попробуйте вести себя как свиньи!

– Раньше хотя бы не обзывались... – вздохнул Гриша, которому доселе везло с детскими домами, и только здесь он узнал, как это выглядит – когда ты совсем никому не нужен. – Хотя и били, конечно...

– Здесь не так сильно, как... папа... – прошептала Машенька, гостеприимства Веры Матвеевны уже отведавшая. – Просто почему-то намного страшнее.

– Сбежать бы... – протянул Гришка, отлично понимая, что это не вариант, потому что первый же встречный постарается сдать их в милицию, а там – детприёмник и позорное возвращение. А вот по возвращении он точно пожалеет, что не сдох.

Экскурсия оказалась долгой, но мальчика не трогали ни величественные фонтаны, ни

красивые дворцы. Он знал, что далёк от этого, думая лишь об обещанном обеде и... и всё. Проживающему жизнь от рассвета до заката красоты дворцов до лампочки. Почему так – кто знает, но так он чувствовал. Экскурсоводу же, судя по всему, было совершенно наплевать – слушают её или нет. Сытая толстая тётка тарабанила как заведённая, сыпля пригоршнями непонятные слова.

Наконец попытка закончилась. Детей парами, под присмотром жёстко одёргивавшей их надзирательницы, отвели в какую-то столовую. Что это за столовая, мало кого интересовало. Важны были только вкусные запахи. Моментально исчезли со столов серый хлеб и наваристый борщ. А на второе – настоящее мясо. Мало, но хоть сколько. Хлеб, приносимый удивлёнными поварами, в мгновение ока исчезал со столов, прячась в карманах детей. Хорошо знавших, что такое ложиться спать на голодный желудок.

Кажется, кто-то что-то понял, потому что после обеда каждому выдали по две конфеты. Глядя на то, как ребята прячут конфеты в карманы, организаторы обеда только вздыхали. Особенно одна очень пожилая женщина вздыхала. Не выдержав, она подошла к каждому, суя в руку пряник. Ещё и извинялась, что ничего другого нет. Но ей говорили «спасибо» с таким выражением на лице, что женщина просто расплакалась. Потом уже она обратилась к городу. Так же в далёком году Ольга Берггольц обращалась к ленинградцам, вот и женщина, пережившая Блокаду¹, обратилась к ленинградцам. Но это было потом.

А пока более-менее сытые и оттого робко улыбавшиеся мальчики и девочки рассаживались по жёстким креслам автобуса, чтобы отправиться «домой», хотя кто-то называл детский дом концлагерем. Возможно, он был не так уж и неправ?

Автобус катился по дороге, когда неожиданно налетел ливень, сделав вечер практически совершенно непроглядным. Машке вдруг стало страшно, отчего она, почти не осознавая этого, вцепилась в Гришку. Думая, что девочке холодно, мальчик обнял её, стараясь согреть. В этот самый момент всё и произошло – что-то протяжно загудело, потом яростно заскрипело, от удара разбилось стекло, у которого сидели двое, и их выкинуло наружу. Гриша успел увидеть огненный шар там, где был автобус, и услышать обречённый крик, а потом его кинуло куда-то, пару раз чувствительно приложив о землю. Стало почему-то слишком громко, мальчик пытался что-то сделать, но... Как-то очень отчаянно завизжала Машка.

Глава вторая

Земля взлетала вокруг, разбрасывая камни, казалось, Гришка с Машкой находятся в эпицентре вулкана. Или Гриша что-то вспомнил, или же какой-то инстинкт проснулся у мальчика, но, ухватив визжавшую Машу за руку, он пополз в сторону то ли оврага, то ли просто ямы. Маша не сопротивлялась, ибо переход от автобуса к такому вот оказался для неё слишком резким... Свист, громкие взрывы, будто подбрасывавшие их вверх, подсвеченные чем-то, встающие кусты земли, как будто началась война.

– Маша! Маша! Ползи за мной! – крикнул мальчик, пытаясь утащить её. Тут вдруг рвануло совсем близко, и наступила ночь – будто выключили свет.

Взрывом легко контуженных детей сбросило в воронку, поэтому их не заметили солдаты, ну и не задело при следующем обстреле. Контузия оказалась лёгкой, но, наложившись на уже испытанное, просто отключила сознание двоих детей. В следующий раз Гриша открыл глаза, когда вокруг было тихо. Нет, не совершенно – вдали что-то глухо бухало, слышны были взрывы, треск чего-то... Подняв голову, мальчик увидел, что девочка не подаёт признаков жизни, и попытался её «разбудить», до ужаса боясь того, что она умерла. Несмотря на то, что Гришка озверел в детском доме, он совсем не хотел оставаться в одиночестве.

– Не тряси меня, – попросила пришедшая в себя Маша. – Я живая... Наверное.

– Я так испугался за тебя, – признался Гриша, облегчённо выдохнув. – Вставай, нам надо к людям, я думаю...

– Сам-то в это веришь? – ответила ему девочка. – Люди ментам сдадут, никому не будет интересно, что мы не бежали...

– Значит, не скажем, кто мы, – решил мальчик. Голова гудела, отчего соображала плохо. – Если поймают, говорим, что немые!

Его фраза Машу рассмешила. Она сначала захихикала, затем рассмеялась, а потом неожиданно для Гриши расплакалась. Переход был мгновенным, отчего мальчик кинулся к девочке, стараясь её успокоить. Заметив, что вокруг, похоже, день, Гриша пытался сообразить, что происходит.

– Как ты? Болит что? Поранилась? – начал расспрашивать Гриша, но Маша была уже просто в истерике. Тогда мальчик сделал то, что делали родители других детей в школе – неловко обнял девочку, от этого вроде бы начавшую успокаиваться.

– Мы чуть не сдохли... мама... никто не любит... как будто... – прорывающиеся сквозь рыдания слова Гриша не очень понимал, но продолжал обнимать Машу. Только сейчас Гриша почувствовал, что вокруг холодно, просто жуть как холодно. То есть совершенно не поиюльски – хотя в Питере погода была капризной, но не настолько же!

– Вставай, надо двигаться, чтобы не замёрзнуть! – прикрикнул он на девочку, от такого широко раскрывшую глаза. – Если замёрзнем, то заболеем!

– Да кому я нужна! – воскликнула Маша, уставшая от всего, что произошло, но мальчик просто тащил её за собой, заставляя вылезать из ямы, а потом куда-то идти.

Это Гриша знал очень хорошо – если заболеть, то сбежать не сумеешь. Попадаться им нельзя, Машка права – никого интересоваться, что они не сбежали, не будет. Почему-то мальчик и не подумал об оставшихся в автобусе. Ему было просто всё равно.

Рассмотрев дым на горизонте, Гриша потащил девочку за собой почти волоком. Вскоре они прошли мимо разрушенных домов... дело действительно пахло войной, как в старых фильмах, которые показывали ещё когда Союз существовал. Мальчик сам не понимал, куда они идут, но не останавливался. Ему казалось, что если остановиться, то дальше идти будет невозможно. Город был Гриша незнаком и чем-то знаком одновременно. Редкие прохожие косились на них обоих, но не подходили. В своих детдомовских куртках грязно-серого цвета они почти ничем не отличались от окружающих.

Внезапно сверху и вокруг что-то завывало, люди куда-то побежали. Гриша решил бежать за ними: возможно, прохожие знают лучше? На улице всё выло, заунывно, страшно... Послышался громкий голос, спокойно проговаривавший какую-то фразу, но мальчик её сначала не понял, а вот потом внутри него всё похолодело.

– Граждане, воздушная тревога! – громкий голос пугал страшнее сирены.

Люди бежали, видимо, чтобы спрятаться, поэтому Гриша с Машей на прицепе побежал за ними что было мочи. Девочка на окружающую действительность не реагировала, так её шокировало увиденное. Сирены всё выли, люди бежали. Домчав до большой белой надписи «Бомбоубежище», мальчик понял – им туда. Нельзя сказать, что он что-то вынес из фильмов, виденных в детстве, ведь происходившее вокруг, с его точки зрения, представлялось совершенно невозможным.

За недлинной лестницей открылось просторное помещение, заполненное мужчинами и женщинами и больше всего напоминавшее подвал. По сравнению с улицей здесь было тепло, поэтому Гриша забрался с девочкой в самый тёмный уголок, помогая ей устроиться поудобнее. Совершенно шокированная Маша совсем не реагировала на внешние раздражители, а это было опасно. В голове мальчика смешались старые фильмы, рассказы о военном времени и о том, что тогда делали с людьми, «легенды» постсоветских лет, отчего ему стало просто страшно.

– Маша, – шёпотом на ухо девочке проговорил мальчик. – Нужно молчать, что бы ни случилось, потому что здесь могут плохо к нам отнестись, а перед взрослыми мы беззащитны. Очень похоже, что началась война, а менты в войну, кажется, и расстрелять могли.

– Наши-то точно, – вздохнула Маша, в добрых милиционеров не верившая. Раньше они были добрыми, а теперь все озверели, поэтому попадать к ним в лапы не хотелось. – Будем молчать, только надо или тихо говорить, или как-то показывать...

– Тогда давай договоримся о сигналах, – произнёс Гриша, предложив сразу же свои, подсмотренные в школе у других мальчишек, игравших в войну. С детдомовцами-то никто играть не хотел, их, скорее, опасались.

Наверху что-то громко бухало, с потолка сыпалась пыль, двое детей никому интересны не были. Одежда их уже стала пропыленной и грязной, потому что в процессе и Маша, и Гриша пару раз падали в грязь, на что школьная форма, в которую их обрядили для экскурсии, рассчитана не была. Да и не так сильно она изменилась, впрочем, этого молодые люди ещё не знали.

– Согласна, – кивнула девочка, повторив сигналы, дабы убедиться, что запомнила их. Сложного ничего здесь нет, а жить хотелось, потому что... Что с ней может сделать мужчина, девочке уже объяснили, и если на Гришку она была в целом согласна, раз выхода всё равно нет, то на кого-то другого – нет.

– С едой у нас грустно, – произнёс Гришка, доставая из кармана заначенный хлеб. –

Хочешь конфету?

– Ты же для младших... – не поняла Машка.

– Если уже война, то до младших мы не доберёмся, – объяснил мальчик, протягивая конфету, принятую с благодарностью. Ломаться девочка не стала, а вот хлеб не взяла.

– Не сейчас, – произнесла Маша, понимая, что это их единственная еда. – Когда совсем неумоготу станет, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулся Гриша, осторожно погладив её, что было воспринято благосклонно. – Ты отдохни, я посторожу.

Насколько получилось, удобно расположив куртки, он уложил Машу, и через минуту утомлённая девочка уже сладко спала. Когда дали отбой, расходившиеся люди детей не заметили, потому никто Машку не побеспокоил. Её разбудил холод. Открыв глаза, девочка некоторое время с непониманием во взгляде смотрела на Гришу. Мальчик встряхнулся, помогая Маше встать и одеться. Холодно, конечно, жутко, по его ощущениям, но не так, как зимой.

– Надо найти место, где мы сможем заночевать, – объяснил Гриша, не давая девочке останавливаться. Он хорошо помнил, что движение согревает. – Где будет хоть немного теплее, чем на улице, понимаешь?

– Х-хорошо, – согласилась совершенно растерявшаяся Маша, следуя за лидером.

Там, где Гриша, казалось, не задумывался, девочка чувствовала подступающую истерику, потому что не представляла себе, что делать дальше, но, кажется, это понимал мальчик. Расставаться с ним Маша ни за что не хотела, даже если он и возьмёт свою плату, хотя ей почему-то не верилось. Девочке вдруг показалось, что Гриша – как рыцарь из сказок и не будет ничего с ней насильно делать.

Этот дом чем-то привлек внимание Гриши, уже очень уставшего, потому что шли они к тому времени больше часа. Почему-то прохожие не обращали внимания на детей, а мальчик, увидев приоткрытую дверь, юркнул туда, утаскивая с собой и Машу. Поднявшись на второй или третий даже этаж, он заметил приоткрытую дверь в одну из квартир. Молниеносно приняв решение, Гриша завёл Машу внутрь. Замок звонко щёлкнул за спиной, давая ощущение какой-то безопасности.

Квартира навскидку была двухкомнатной. Валявшиеся повсюду вещи демонстрировали следы поспешных сборов, и это, по мнению Гриши, означало, что гостей можно не ждать. Увидев вполне новый диван, мальчик усадил на него Машку, а сам прошёлся по комнатам. Его уловом стали одеяла, наваленные друг на друга. Споро перетаскав их все к дивану, Гриша устало присел.

– Хлеба немного, но мы хорошо пообедали, – сообщил он, доставая кусочек из кармана. – Так что поужинай и давай ложиться.

– Гриша... – Маша решила разделить хлеб пополам. – Почему ты такой?

– Потому что так правильно, – что на него нашло, мальчик и сам не мог объяснить, но для него действительно так было правильно; только в детдоме это представлялось невозможным, там заботу считали слабостью.

Сил уже не было никаких, а еда – только кусочек хлеба, быстро съеденный обоими. Совершенно не думая ни о чём, подростки залезли под кучу одеял, засыпая. Но через некоторое время опять стало холодно, и Маша, робея от собственной наглости, позвала.

– Гриша, иди ко мне, – девочка не думала, о том, что может случиться, она спасалась от холода. – Вдвоём теплее.

– Хорошо, Маша, – кивнул мальчик, залезая к ней.

О том, что положено смущаться соседству с девочкой, Гриша просто не знал, поэтому обнял Машу, пытаясь согреть её. Ему тоже было холодно, а о том, что вместе теплее, мальчик знал из фильмов. Они уснули, и за всю ночь их никто не побеспокоил, что позволило хотя бы отдохнуть. Почему-то хозяева в квартиру так и не вернулись, но об этом уставшие дети узнали только утром.

Студёное утро отбивало всякое желание вылезать из-под одеяла, но проснувшийся первым Гриша отлично понимал, что есть «надо». Поняв, что началась война, такая же, как и полвека назад, он осознавал – они с Машей никому не нужны. Почему война неядерная, мальчик даже не подумал, он просто принимал реальность такой, какой она была. Поэтому, проснувшись, Гриша занялся осмотром шкафов, тумбочек и кроватей. Удача улыбнулась ему, позволив обнаружить зимние детские вещи, видимо, второпях позабытые. «Надо же, – подумал мальчик. – Опять повезло». Этические вопросы Гришу не интересовали, как и судьба хозяев квартиры.

Теперь надо было озаботиться едой. Тщательно обыскав квартиру, мальчик нашел две картофелины и немного муки и решил сварить суп. Благодаря детдому он умел многое, а тот факт, что в холод надо есть тёплое, мальчик запомнил ещё из школы, мысленно поблагодарив учительницу, рассказавшую об этом.

Плита была странной, больше напоминавшей какой-то очень старый агрегат, но разжечь её удалось. Очень пригодились рассказы ветеранов, приходивших в их детский дом, когда ещё существовал Союз. Вода из крана текла плохо, но текла, что позволило приступить к супу, чем Гриша и занялся. Он готовил немудрёную пищу, думая о Маше. Понимая, что теперь у него есть повод и смысл жить, мальчик улыбнулся. Именно забота о девочке давала ему смысл жизни сейчас, как ни дико это было осознавать. Одним своим существованием Машка дала Грише смысл и цель в жизни, что казалось ему очень важным. Особенно в их нынешней ситуации.

Процесс готовки думать не мешал, и мальчик анализировал. Они ехали в автобусе, потом что-то случилось, всё, видимо, начало взрываться. Могло ли это быть в результате войны? Подумав, Гриша понял – вполне. Но если так, то в автобусе больше никого не осталось, и их двоих не ищут, что было, по его мнению, хорошей новостью. Дальше... Они в городе, чем-то знакомом, кстати. Люди вокруг говорят по-русски, значит... Вот что это значит, мальчик не особо понимал. Впрочем, навык воровства у него есть, а он точно знал – если не наглеть, то внимание «смотрящих» на себя не обратишь. Значит, жить было, по идее, можно.

Тёплой воды ожидаемо не оказалось, а как зажигать висевшее над кранами устройство, Гришка не знал, и согрел воды для Машки в кастрюле, что было, по его мнению, вполне логично – девочка же. Убедившись в том, что всё готово, мальчик двинулся к вороху одеял.

Глава третья

Проснулась Маша оттого, что её как-то очень ласково гладили по лицу. Ощущение было непривычным, давно не испытанным, потому глаза девочки сразу же раскрылись. Увидев Гришу в каком-то тёплом толстом свитере, Маша удивилась. Ещё больше девочка удивилась, услышав то, что ей говорил этот точно необыкновенный мальчик, заботившейся о ней, как никто и никогда. Наверное, прошлое девочки стёрлось, но теперь... Ничем ей не обязанный Гриша беспокоился о ней, как будто она была ему кем-то близким. Впрочем, положив руку на сердце, Маша думала, что уже согласна, пожалуй, на всё. Очень уж всё страшно.

– Я согрел воды, чтобы ты могла умыться, – сообщил Гриша, осторожно разбудив Машу. – И ещё у нас есть завтрак, правда, только на один раз... Но он есть!

– Чудо просто, – улыбнулась девочка, вылезая из-под одеял и разглядывая то, что ей протянул мальчик. – Спасибо... – смутилась она.

Такая забота казалась непривычной, даже очень. Маша, немного подумав, убежала в сторону удобств, каким-то шестым чувством их найдя. Впрочем, вариантов в квартире немного, вот девочка и не растерялась. Всё вокруг было каким-то несовременным, впрочем, сантехника от приютской отличалась мало. Ещё её удивлял тот факт, что Гриша не пошёл за ней подглядывать, хотя, насколько она знала, это было бы нормальным.

Пока Маша умывалась, Гриша рассматривал найденную в почтовом ящике газету. Обычная, с привычной советской символикой, за последние годы слегка подзабывшейся, она привлекала взгляд не статьёй о Ленинграде, а датой. Даже если газета пролежала в почтовом ящике несколько недель, дела это не меняло. За окном действительно шла война, только совсем не та, о которой изначально думал Гришка. Он смотрел в газету, а перед глазами вставало Пискаревское кладбище. Теперь он понимал и где они оказались, и когда, и что их обоих ждёт. Осознавать реальность было сложно, но Гриша уяснил для себя: детство кончилось, начинается жизнь, в которой он просто обязан сохранить Машку живой.

– Кушай, – налив в тарелку уже тепло одетой девочки получившуюся похлёбку, предложил Гриша. – Я ещё лепёшку сделал, её можно будет растянуть на подольше.

– Интересно, что происходит... – задумчиво протянула Маша, заметив какой-то очень тоскливый взгляд мальчика. – На ядерную войну не очень похоже.

– Да... – Гриша помолчал, не зная, как сказать о том, что он обнаружил.

– Рассказывай, – попросила девочка, понимая, что новости ей совсем не понравятся.

– Только не плачь, ладно? – вздохнул мальчик, все ещё чувствуя себя не очень хорошо от таких открытий. Он налил кипятка в чашки, потому что нужно было греться. По крайней мере, сам Гриша так считал. – Мы в Ленинграде. Сейчас ноябрь сорок первого года.

– Ты прикалываешься²? – с подозрением поинтересовалась Маша, а мальчик в ответ просто протянул ей обнаруженную газету.

Маша знала о Блокаде Ленинграда. Да все о ней знали! Девочка понимала, что их ждёт: голод, холод, возможно, смерть. Умирать очень не хотелось, и в таком настроении она, конечно же, вцепилась в Гришку. Читая газетные статьи, Маша понимала, что одна она просто не выживет, потому что не знает ничего о городе Ленина этих годов. Да и о Блокаде помнила только то, что им вдалбливали в школе. Становилось всё страшнее, но мальчик явно понимал, что происходит и что нужно делать, потому девочка решила просто ему

довериться.

К вечеру есть хотелось уже сильно, но Гриша решил потерпеть, скормив треть лепёшки Маше. Ему не внове ложиться спать голодным, а девочке, по его мнению, это всё-таки вредно. Маше было очень стыдно, но отказаться она не могла. Просто не хватало моральных сил отказаться от еды. Ночью несколько раз выла сирена воздушной тревоги, но Грише было жалко будить Машу, а взрывы били далеко, поэтому он решил, что опасности нет.

Утро началось с понимания – если не раздобыть еды, они просто умрут с голода. По фильмам и мемориалу Гриша помнил, что нужны какое-то карточки, только не помнил, какие именно и где их взять. Съев маленький кусочек хлеба и отдав остаток Маше, он объяснил девочке создавшееся положение так, как понимал его сам.

– Нам нужно найти еды, а то от голода умрем, – Гриша совсем не хотел пугать Машу, но и обманывать её было неприятно.

– Пошли искать? – спросила девочка, одеваясь. О карточках и особенностях питания во время Блокады она и не вспомнила. Чужие вещи Маша восприняла безропотно, ничего не сказав по этому поводу.

– Давай поищем тут сначала, вдруг найдём что-нибудь? – предложил Гриша.

– Давай! – улыбнулась ему Маша, уже принявшая лидерство мальчика.

Маша начала с комнаты, Гриша с кухни. Оба искали очень внимательно, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь, но ничего не находилось. Серый лист бумаги с цифрами и годом нашла Машка, но не стала вчитываться, а просто положила его на стол. Гриша же осматривал комнаты, так ничего и не обнаружив. Прилично утомившись, он вернулся туда, откуда всё началось, и увидел найденное девочкой. Буквально подбежав к столу, мальчик вчитался...

– Маша! Маша! Ты знаешь, что это? – радостно спросил он у девочки.

– Что-то важное? – заинтересовалась она.

– Это карточки! Карточки, Маша! Они очень-очень важные! – воскликнул Гришка. – Живём!

– Карточки... – Маша попыталась вспомнить, но не смогла, опять доверившись мальчику.

Выйдя из подъезда и запомнив его расположение по ориентирам, Гриша повлёл девочку дальше по улице, осматриваясь. По улицам ходили люди, не обращая на него с Машей никакого внимания, а мальчик искал хлебный магазин, даже не представляя себе, как он должен выглядеть. Только успев увидеть вывеску «Булочная», мальчик был вынужден опять бежать в бомбоубежище – завывла сирена, да громкий голос сказал о воздушной тревоге.

Мальчик понимал – окружающие его люди знают, где убежище, поэтому нужно держаться с ними. Так они добежали до очередного подвала, усевшись в тёмном углу. В этот раз были хорошо слышны бахи и бухи сверху, пару раз возникало ощущение, что трясётся вообще всё, даже сверху что-то посыпалось. Но вот окружавшие их люди о чём-то переговаривались, успокаивая пугавшихся детей. Маша, блестя глазами, но стараясь не плакать, прижалась к плечу Гриши, а он уже вполне привычно обнял её.

Бомбили долго, казалось, что почти вечность, но рядом с Гришей Маша чувствовала себя как-то очень спокойно, поэтому она просто прикрыла глаза, задрёмывая. Внезапно люди зашевелились, принявшись вставать, и Гриша девочку решил разбудить. Судя по всему, прозвучал отбой. Когда люди начали выходить, вышли на улицу и они вдвоём, двинувшись дальше, к уже замеченной булочной, у которой стояла длинная очередь. Не решившись лезть

вперёд, Гриша дисциплинированно пристроился в самый конец. Судя по всему, предстояло долгое ожидание.

Прижавшись к Грише, Маша ощущала его руку, отчего становилось спокойнее на душе – всё-таки оказаться в самом, пожалуй, страшном времени... Очередь стояла молча, переминаясь с ноги на ногу, мальчик постоянно проверял карточки, понимая, что за драгоценность у него в кармане. Казалось, прошли даже не часы – годы, когда подошла и их очередь. Открывшаяся дверь показала не очень обыкновенный прилавок, за которым обнаружилась закутанная в платок женщина, требовательно протянувшая руку. Увидев такие же серые квадратики, как и та бумага, что была в кармане, Гриша протянул продавщице требуемое. Женщина что-то вырезала из бумаги, вернув остаток, и тщательно взвесила небольшой кусочек чёрного, выглядевшего не очень обычно хлеба, протянув его Грише. Все это она делала молча, ни о чём не спрашивая.

Спрятав в карман карточки и хлеб, контролируя его, Гриша двинулся в обратный путь, цепко держа за руку смотревшую круглыми глазами Машу. Он и сам удивлялся, но понимал, что себя выдавать нельзя, ведь, кроме всего прочего, в Советском Союзе того времени было энкаведе, про которое в их времени рассказывали всякие ужасы. А ну как кто-то поймёт, что карточки принадлежат не им?

Именно поэтому мальчик старался ничем не показать своё удивление, спокойно двигаясь к «их» дому. Идти предстояло долго, но отщипнувший кусочек хлеба от выданной им порции, Гриша протянул его сразу же повеселевшей девочке. До дома они не дошли – не было никакого дома, лишь дымящиеся руины. Что теперь делать, мальчик не знал, в первый момент растерявшись. Стоило однако Маше всхлипнуть, и Гриша взял себя в руки. Повернув девочку к себе, он взглянул ей в глаза и твёрдо произнёс:

– Всё будет хорошо!

– Я тебе верю, – ответила ему Машка. – Но что теперь?

– Теперь присядем, съедим чуть-чуть хлеба, – озвучил план мальчик. – И будем искать другой дом.

– Как скажешь, – согласно кивнула девочка.

Таких квартир, как первая, Маше и Грише больше не попадалось, но следующее место обитания они нашли довольно быстро. Брошенных квартир, зачастую «как есть», было достаточно. Не прошло и получаса, как они нашли очередной дом, в котором всё оказалось оставлено так, как будто хозяева готовы вернуться прямо сейчас, но, разумеется, никто не вернулся.

Потянулись дни. У них были карточки, значит, был и хлеб. Маша первое время находилась в перманентной истерике, но потом, конечно, начала привыкать. Человек ко всему привыкает... Вскоре выпал снег. Каждый день теперь начинался с того, что нужно принести хлеба и воды, потому что водопровод почему-то перестал работать. Ну и кипяток приходилось уже приносить. Хорошо хоть бидон для него нашёлся. Помыться уже было нечем, но этот факт обоих почему-то больше не беспокоил.

На улице стало холоднее, в очередях начались разные разговоры. От «город сдадут» до слухов о каннибалах. То, что город абсолютно точно не сдадут, Гриша знал, но вот что касается второй новости – удивился. Таких подробностей о Блокадном городе он не помнил. А ещё помогало Ленинградское радио. То злой, то уставший голос Ольги Берггольц заставлял жить и бороться. Жить, несмотря ни на что.

– Хотите конфетку, детки? – какой-то мужчина напугал обоих чуть ли не до мокрых

шпанов.

Он был действительно страшным, и теперь то, о чём говорили в очереди, просто прозвучало в ушах мальчика, с силой оттолкнувшего этого человека. Утащив за собой доверчиво потянувшуюся к сладости Машу, Гриша ещё несколько часов не мог прийти в себя, пытаюсь отдышаться.

– Гриша! Гриша! Зачем мы убежали, это же конфета! – возмутилась девочка.

Она как будто потеряла часть своих знаний, оказавшись в настолько незнакомой обстановке. Да и голод... Привычный к недокормленности Гриша отдавал большую часть добытого хлеба девочке, но и его не хватало – голод всё чаще прихватывал живот, отдаваясь в нём тянущей болью. Маша была на что угодно уже согласна ради кусочка хлеба, но Гриша как-то находил в себе силы подбодрить её.

– Это плохой человек. Вдруг конфета была с ядом, или же он хотел нас съесть... Или... – мальчик прошептал на ухо бледной Маше свою догадку, заставив девочку всхлипнуть. – Сама подумай: вокруг нет даже хлеба, а у него конфеты!

– Ты прав... Мы умрём? – как-то очень безнадежно спросила девочка. – Не хочу... Я знаю, что многие умерли, но...

– «Осталась одна Таня»³, – процитировал Гриша.

– Не хочу умирать, не хочу, чтобы умер ты, – призналась Маша.

– Мы будем жить, – как мог уверенно ответил Гриша.

Он привык за последнее время обнимать Машу, которой оказались очень нужны эти объятия, это тепло. На улице выпал снег, и пришлось ходить очень осторожно, потому что можно было упасть на льду, а подняться совсем непросто. Если бы не найденные в той, первой, квартире детские вещи – пусть не совсем по размеру, но они спасали – то Маша и Гриша уже погибли бы, мальчик это очень хорошо понимал.

Человек ко всему привыкает, привыкли и они. Дозировать хлеб, держаться, чтобы не съесть его полностью – всю дневную норму за один раз. В новой квартире нашёлся примус и немного, как Гриша в первый раз подумал, керосина. Быстро разобравшись с устройством, он готовил кипяток. На помывку воды уже не было. Она-то была, но согреть её было нечем. Чувство голода стало постоянным. Маша иногда вела себя как пятилетняя – хныкала, просила хлебушка, но не смела притронуться к нему без разрешения Гриши, а вот мальчик... Откуда у него появились силы сдерживаться, укрывая девочку заботой, не мог понять и он сам. Просто мальчик знал – так правильно.

Маша вспоминала свою прежнюю жизнь, понимая теперь, что детдом был счастливой жизнью, ведь в ней не ощущалось этого тянущего чувства голода. Есть и там хотелось, но вот именно такого не было. Боясь оставаться одной, девочка всегда ходила с Гришей – и за хлебом, и за водой. Оскальзываясь, она помогала мальчику, взявшему на себя заботу о ней, спасавшему её каждый день и каждую ночь. От холода, от страха, от безнадежности. Каким-то чудом Гриша находил слова, убеждая её жить дальше. А ещё было Ленинградское радио.

«Скрипят полозья в городе, скрипят...

Как многих нам уже не досчитаться!

Но мы не плачем: правду говорят,

что слезы вымерзли у ленинградцев»⁴

Однажды Гриша услышал крики и визги. Используя то, чему его научила жизнь, он скользнул в какую-то толпу. Оказалось, что бомба попала в столовую, и теперь люди дрались

друг с другом, пытаясь добраться до продуктов. Гриша каким-то чудом увидел белый комочек и, вытащив его, умудрился убежать. Комочек оказался кусочком сыра, который мальчик отдал Маше, даже не попробовав. «Ей нужнее», – решил Гриша.

День за днём мальчик менялся, сам не замечая этого. Смыслом его жизни теперь стала Маша, как и он – её. Ведь больше у них никого не было, а вокруг дышало то самое время, которое потом назовут «смертным». Оно стонало сиренами воздушной тревоги, скрипело полозьями саночек, вскрикивало близкими взрывами. Время смотрело со стен домов надписями «...при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна...»

Но, несмотря ни на что, голод подступал всё ближе... Он хватал за горло, бил по животу, заставлял дрожать при виде хлеба и стискивать зубы, не давая сдаваться. Когда хлеба начали выдавать меньше, Гриша понял, что они обречены, но не сказал Маше об этом. Мальчик жил для неё, для того чтобы девочка дышала и не сдавалась. А вот Маша очень хотела бы опустить руки, но Гриша не давал. Ему самому не позволяло опустить руки не только существование Маши, но и голос Ленинградского радио. И метроном, звучавший между передачами.

– Будешь плакать – по попе дам, – твёрдо пообещал похудевший мальчик, хотя куда там было-то... Девочка поверила – даст. По попе не хотелось, так что Маша не стала плакать.

– Не буду, – попробовала улыбнуться девочка, но почему-то не смогла.

На обледенелых улицах встречалось всё больше тел. Мужчины и женщины просто присаживались прямо в снег, чтобы не встать никогда. Но тут, когда силы, казалось, уже были готовы закончиться, у них появилась Надежда.

Глава четвертая

Простая советская девушка Надежда Самойлова росла в комиссарской семье. Отец её, Виктор Абрамович Самойлов, прошёл Гражданскую в армии Будённого, а мама... С мамой было сложнее. В далёком уже девятнадцатом комиссар влюбился в «бывшую», как тогда говорили. Исправив её документы, Виктор Абрамович убрал упоминание об этом из бумаг, но дворянское воспитание у девушки иногда вылезало, поэтому она пошла работать на завод. Называемая по новым документам Зинаидой, женщина снискала славу аккуратной и внимательной рабочей, за что её хвалили. А в двадцать четвертом родилась и Надя. Больше детей у Самойловых не было, хотя очень хотелось – сказался, видимо, семнадцатый год, когда всю семью на глазах молоденькой девочки расстреляли, а она сама едва избежала и насилия пьяной матросни, и убийства, хотя до сих пор не понимала, как это у неё вышло.

Потянулись годы. Каким-то образом избежав чисток тридцатых – хотя страшно было каждый день – Самойловы растили дочь, уча её не только «правильному поведению», но и французскому, этикету, танцам. Виктор Абрамович считал, что готовым надо быть ко всему, так что впервые на завод Надя попала в шестнадцать лет, что ей очень помогло потом, когда грянула война.

В первые же дни папа ушел на фронт, вернувшись в виде серого конверта спустя два месяца. Надежда даже не поняла сначала, что произошло, когда, вернувшись со смены, услышала даже не крик, а стон матери. Так они остались вдвоём. Именно то, что они обе считались рабочими, их и спасало – и от НКВД, и от смерти. Получив рабочую карточку, мать и дочь выживали, да ещё на заводе им кое-что перепадало. Так прошли первые месяцы. Было временами страшно, конечно, но постепенно чувства отмирали. Оставалось только одно – чувство голода. Мама старалась поддержать дочь, дать ей уверенность в будущем, но у самой женщины силы постепенно заканчивались. Самойловы понемногу погружались в безразличие.

На улицах встречалось всё больше тел. Взрослые дяди и тётки падали, чтобы больше не подняться. Такой была бы судьба Гриши и Маши, если бы не Надежда. Девушка, случайно встретившаяся детям на жизненном пути, спасла их обоих. Хотя ей было вряд ли намного больше лет, чем Маше, и девочка, и мальчик понимали – без Надежды они бы погибли в это «смертное время».

Маша в тот день была слишком уставшей, а у Гриши уже почти не осталось сил её тащить, и дети присели на ступеньку в каком-то парадном. Казалось, оба только моргнули, а за окнами наступила уже ночь и...

Возвращавшаяся со смены Надежда увидела этих двоих, показавшихся ей вначале очень юными. На лестнице в парадном, прижавшись друг к другу, сидели двое бледных детей. Девушка остановилась, принимая какое-то решение, – на деле она лишь набиралась сил перед подъёмом.

- Вы живы? – поинтересовалась Надя.
- Пока живы... – равнодушно ответил мальчик, глядя, казалось, сквозь стену.
- Все погибли? – поняла девушка, осознавая – дети обречены. – Вот что, – решила она. – Встали и пошли за мной!
- Вы нас съедите? – пискнула девочка, так и оставшись сидеть.

– Глупости какие! – возмутилась Надежда, поднимая детей на ноги.

Приведя обоих в квартиру, девушка приказала им снять верхнюю запылённую снегом одежду и идти в комнату. В квартире, конечно, было очень морозно, но не так, как на улице, – немного дров у них всё-таки осталось. Из комнаты вышла работавшая сегодня в другую смену мама. Она, конечно, удивилась, но промолчала, взглянув в глаза дочери.

– В парадном нашла, – объяснила Надежда. – У них никого не осталось, совсем.

– Молодец, детка, – кивнула женщина, а потом обратилась к гостям. – Ну-ка, проходите, вечерять будем.

– Спасибо... – прошептала Маша, не представлявшая себе подобного. Ведь они же были этим людям никем! Совсем никем!

– Как зовут тебя, дочка? – спросила женщина Машу, и вот тут, несмотря на отмиравшие эмоции, на то, что девочка уже ничего не чувствовала, она заплакала, что Зинаиде сказало всё.

– Она Маша, а я Гриша, – глухо произнёс мальчик. – У нас ничего нет, кроме карточек. И никого...

– У вас теперь мы будем, – губы дрогнули в попытке улыбнуться. – Меня зовут Зинаидой, ну, или тётя Зина, а это Наденька, дочка моя. Вам лет-то сколько?

– Тринадцать... – обречённо ответила Маша. Тут случилось совершенно невозможное в понимании девочки – её погладили. Сухая морщинистая рука коснулась Машиной головы, и девочка потянулась за ней всем своим существом.

– Ох... Надя, завтра зайдём в жилконтору поутру, у тебя смена когда? – спросила тётя Зина.

– После обеда, мама, – ответила Надежда. – Предлагаешь их на завод? Но они же необученные?

– Я на токарном станке умею, – припомнила счастливое детство Маша. – У меня папа рабочий! Был...

– Понятно всё с вами... – вздохнула женщина. Оставлять детей одних у неё просто не поднялась рука. Возможно, она вспомнила себя в семнадцатом, возможно, по другой причине, но факт оставался фактом.

И вот тут Гриша молча выложил на стол карточки. Иждивенческие карточки никак не могли прокормить двоих, отчего Зинаида поняла, что дети были обречены, если бы не её дочь. В тарелке репродуктора бился голос Ольги Берггольц, когда ставшая больше семья укладывалась спать. Надя, подумав, забрала «младших», как она сразу же начала называть своих найдёнышей, к себе в кровать.

Самойловы не разговаривали – все устали, кроме того, поспать всё-таки нужно было.

– Гриша... Почему они так с нами? – совсем шёпотом спросила Маша, когда Надя провалилась в сон.

– Наверное, потому что они люди, – вздохнул мальчик. – Я помню, рассказывали, что были разные люди, и даже те, которые ели детей, но нам повезло.

– Повезло, – согласилась девочка, прижимаясь к нему. – Мы здесь навсегда?

– Лучше здесь, чем у нас там... – признался Гриша. – Давай-ка спать.

Утро началось с суеты – Гриша с Машей пошли за кипятком, что было принято благосклонно, а тётя Зина с Надей – за хлебом. Нужно было позавтракать и согреться, а затем уже можно и двигать по делам. Очереди стояли везде – и за кипятком, и за хлебом, и просто за водой, которую черпали прямо из-под льда. Вернувшись обратно, обновлённая семья

расселась за столом.

– Машу и Гришу я запишу нашими племянниками, у которых всех убило, – сообщила тётя Зина. – Вы теперь Самойловы, запомните, пожалуйста.

– Хорошо, – кивнул Гриша, потому что Маша была занята – она ела.

– Надя, – продолжила женщина. – Пойдём вместе, я зайду в заводоуправление, но у меня смена, а ты отведёшь их.

– Да, мама, – кивнула Надежда, твёрдо зная, что маме виднее.

После быстрого завтрака вся семья двинулась прочь из квартиры. Сначала надо было зарегистрировать Гришу и Машу, уже готовившихся к неприятным вопросам, но какой-то мужчина в военной форме и без одной руки взглянул на явно напуганных детей и молча записал Григория и Марию Самойловых, пятнадцати лет, в какую-то большую книгу. Маша и Гриша молчали, согласно кивая. Они считали, что взявшие их к себе люди понимают, как лучше.

– Вот, Алексей Савич, племяшек привела, – сообщила тётя Зина какому-то мужчине, молча кивнувшему куда-то в сторону.

Их ни о чём не спрашивали, просто направили в сторону здания из красного кирпича, где, по-видимому, и находилось заводоуправление. Маша с интересом оглядывалась, рассматривая коридоры и двери. В одну из них и завели детей. За высокими двойными дверями обнаружился большой кабинет с портретами на стенах, в котором находился стол, расположенный буквой «Г». Усталый невыспавшийся мужчина, сидевший над бумагами, поднял воспалённые глаза на гостей, внимательно их разглядывая.

Гриша понял, что этого самого главного здесь начальника надо убедить. Мальчик припомнил всё, о чем говорили на экскурсиях и в фильмах, собрался с духом и заговорил. Маша немного ошарашенно внимала ему, а Надя улыбнулась бы, если могла. Гриша убеждённо говорил правильные, нужные слова, отчего лицо внимательно слушавшего их директора завода разглаживалось.

– Ты прав, – сосредоточенно кивнул начальник. – Говоришь, девочка знает токарный станок? Очень хорошо! – он о чём-то подумал и обратился к Надежде. – У вас в цеху умерло пятеро, поэтому берёшь к себе учениками. Скажешь Санычу, я разрешил.

– Спасибо! – явно обрадовалась Надя, хотя по ней это сказать было невозможно – улыбка промелькнула только в глазах. – Пойдёмте, – и она вывела юное поколение из кабинета.

Так началась их новая жизнь. Очень быстро оформившись и сдав карточки на замену, Гриша и Маша попали в цех, сразу же перезнакомившись со всеми, кто работал на смене. Надя начала показывать Грише, а Маша узнала станок, казалось, за полсотни лет совсем не изменившийся. Наде такое везение казалось странным, но спорить ни с кем она, конечно же, не стала.

Для тринадцатилетних длинные смены были непростыми, но Гриша и Маша понимали – чтобы жить, надо работать. Рабочая карточка давала в два раза больше хлеба, да ещё и в столовой что-то перепадало... В общем, несмотря на очень тяжёлое время, жить можно.

Труднее всего было девочке, потому что Гриша принимал всё так, как есть, не задумываясь. Надо точить болванки снарядов – он работал, надо делать что-то ещё – он делал. Не сомневаясь, помогая Машке, да и Наде, мальчик будто просто не планировал

дальше, чем на сутки. Дату прорыва Блокады он помнил, осознавая, что до тех пор ещё очень далеко.

– Брак допускать нельзя, – сообщил новеньким мастер. – От ваших снарядов зависит многое, поэтому нужно быть внимательными, иначе накажут.

Услышавшая о наказании Маша задрожала, припомнив «надзирательницу» и её методы. Повторять здесь подобное ей очень не хотелось. Но тётя Зина будто почувствовала: остановив работу, она подошла к детям, чтобы успокоить девочку и поддержать уже готового, казалось, на что угодно мальчика.

– Не пугай ты их, Саньч, – попросила женщина. – У них всю семью, похоже, на их глазах...

– Да не думал пугать, – развел руками очень пожилой мужчина. – Всё как есть сказал.

Постепенно становилось холоднее, наваливалась усталость. Но день за днём Маша и Гриша находили в себе силы, вставали и шли на работу. Всё больше людей вокруг умирало, отчего эмоции притуплялись, но со столбов, из круглых тарелок радиоточек звенел яростный голос Ленинградского радио, помогая жить. Помогая бороться вместе со всем городом, и дети понимали – с каждой выточенной деталью, каждым снарядом они становятся ближе к победному дню.

Когда не было смен, Гриша и Маша дежурили в числе других, защищая свой дом. С крыши ребята постарше и взрослые сбрасывали зажигательные бомбы, а Самойловы засыпали их песком. Правда, в декабре стало хуже – скользко, трамваи уже не ходили, поэтому путь к заводу занимал час. Но ребята втянулись, не чураясь тяжёлой работы, потому что за неё им давали хоть какой-то суп или студень в столовой.

Самойловы, безусловно, знали, что творится в городе, слыша разные слухи, прислушиваясь к новостям. Весть о контрнаступлении под Москвой наполнила сердца ленинградцев надеждой, но до прорыва Блокады – ещё далеко. Декабрь выдался очень холодным, температура опускалась до тридцати пяти градусов, что было особенно заметно ночами. К середине месяца Самойловы домой уже не уходили, ночуя в углу цеха. Впрочем, так делали очень и очень многие.

Под звук метронома, под стихи Ольги Берггольц, под сводки Совинформбюро город боролся. Юные Самойловы начали забывать детдом, прошлое «будущее» им казалось уже нереальным. Всё чаще накатывала усталость, но нужно было работать, чтобы жить, и они работали. Самойловы ложились в углу цеха и спали несколько часов между сменами, а рядом спала и тётя Зина, ставшая им настоящей мамой за это время. Требовательная, жёсткая, когда нужно, но вместе с тем бесконечно добрая и ласковая, она представлялась идеалом матери для Маши, да и для Гриши.

Женщина всем сердцем приняла детей, казалось бы, чужих, но всё чаще называвших ее мамой. Она давала Маше и Грише то, чего они не знали, как оказалось, никогда, – настоящее тепло семьи. В страшное, «смертное» время двое почти детей обрели маму. И Надю, конечно, как же без неё?

– Я вот думаю... – сказала как-то Маша. – Хорошо, что мы здесь оказались. Пусть тяжело, но у нас есть мама и Надя...

– Я тоже об этом подумал, – согласно кивнул Гриша, с трудом вставая. – Пойдем в столовую, говорят, там студень дают.

Студень казался блюдом, сваренным неизвестно из чего. Когда-то давно Машу бы вырвало просто от вида серой массы, а теперь девочка и мальчик чего только не ели. Нужно

было есть, нужно было пить, просто чтобы жить. Зачем жить, юные Самойловы не думали – сказали «надо», значит, надо. На этом все размышления заканчивались. Надо поесть, надо причесаться, надо встать, надо идти, надо работать, надо жить...

Ёлка для малышей, новогодний праздник. Худенькие дети устало водили хоровод и просили Дедушку Мороза. О том, чтобы закончилась война... о сухарике. А некоторые – просили вернуть сестрёнку, братика или маму, и слышать это было больно до слёз. Но слёз уже не было. Ленинград вступал в тысяча девятьсот сорок второй год. Несдавшийся город боролся, и Самойловы боролись вместе с ним.

*«О ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...»⁵*

Мама умерла внезапно. Мама Зина, превратившаяся почти в скелет, находила доброе слово для своих детей, выглядевших ничуть не лучше. И вот её не стало. Женщина не просыпалась, как Маша ни старалась её разбудить, понимая уже...

– Мама! Мама! – закричала Маша, к которой кинулся от станка Гриша и вскинувшаяся Надя.

– Машенька, не надо... – мальчик утешать не умел, он просто обнял свою девочку.

За прошедшие месяцы Гриша и Маша стали очень близкими душевно. Физически-то они с первых дней спали рядышком, так было просто теплее. Но вот душевно, несмотря на голод, для Гриши всей жизнью, её смыслом – стала Маша. Некоторые родители так относились к своим детям, как мальчик относился к девочке и, разумеется, это не могло оставить её безучастной.

– Идите, дети, мы отвезём, – глухо произнёс мастер, отлично понимая, что этих троих теперь надо поддерживать, – они лишились самого важного человека в жизни.

– Спасибо... – прошептала Надя, чувствуя горе младших.

Осознать, что мамы больше нет, девушка не могла. Теперь мам Зину увозили на Охтинское кладбище, куда, наверное, однажды увезут и их. Для Маши это оказалось ударом намного более тяжёлым, чем даже для Нади, что было заметно. Но постепенно всё возвращалось... Голод, холод, яростный голос Ленинградского радио и Гриша, отдававший Маше почти весь свой хлеб. Надежда поражалась: как жил мальчик? За счёт чего? Но он жил, жил, согревая девочку и давая какую-то уверенность и ей самой.

Едва стоя за станком, качаясь от голода и от усталости, Самойловы вытачивали болванки снарядов, надеясь на то, что рано или поздно Блокада закончится. Придут наши, прогнавшие уже немца от столицы, и будет много хлеба. Маша будто бы забыла всю историю, которой их учили в далёкой уже бывшей жизни. Оставалась только надежда. Слушая Ленинградское радио, желая отомстить фашистам за всё, что они натворили: за детские маленькие тела, за бомбы, падающие с неба, за... за всё, они работали. Выстаивая смены, вытачивая такие нужные фронту снаряды, трое постепенно становившихся дороже друг другу людей приближали Победу.

На фоне трупов на улицах, исчезновения эмоций, постоянной усталости и голода, они чувствовали всё более тесную связь друг с другом. Надя любила слушать сказки про «будущее», в чём-то страшные, в чём-то невысказанные. Гриша же знал, что должен сделать даже невозможное для того, чтобы Маша и Надя жили, и втихомолку отдавал часть своего хлеба девочке, отлично понимавшей, откуда берётся тот хлеб, но... Маша не могла найти в себе силы отказаться от дополнительного кусочка, чувствуя Гришу почти родным, – ведь он её спасал. Надя тоже видела это, но ничего сделать не могла – мальчик был упрямым.

*«...О том, чтоб не прощала, не щадила,
чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,
ко мне взывает братская могила
на охтинском, на правом берегу»⁶*

И будто вторя злым, яростным строкам Ольги Берггольц, Маша и Гриша точили снаряды, буквально представляя, как они будут рвать тела проклятых фашистов. Просто на куски будут рвать, за всех! Но даже на ненависть сил не хватало, усталость всё нарастала. Маша понимала – рано или поздно она упадёт у станка, как Ритка из второго цеха, и её увезут на саночках в последний путь. Сожаления не было. Ничего не было, только снаряды, завод, хлеб и воздушные тревоги. И Гриша. Гриша, отдававший ей свой хлеб.

– Надька, – позвал мастер старшую Самойлову. – Кинотеатры открылись, вот тебе билет.

– Дойдём ли... – прошептала девушка.

– Дойдёте, – понял её немолодой мужчина, похожий на скелет, как и все они. – Сейчас цех организуем, и пойдём все вместе.

– Спасибо, – тихо произнесла Надя, промеряя глубину борозды. До нормы оставалось ещё три заготовки, а там можно будет и отдохнуть – чуть-чуть, совсем немного. Отдохнуть, съесть кусочек хлеба, посмотреть, как там младшие.

Дойти было непросто, но они дошли. В промёрзшем кинотеатре показывали минувшее время. «Ленинград в борьбе» – так называлась картина. Недоумевая, зачем фильм показывают им же, Маша, прижавшись к Грише, смотрела, узнавая, в том числе и знакомые места. Глядя на упрямо идущих людей, Самойловы вдруг поняли – они выжили, город выжил, не смогли его задушить проклятые фашисты. А ещё стало понятно: то, как они боролись и выжили, увидит вся страна. Вся огромная страна будет смотреть на них, и только от этой одной-единственной мысли становилось теплее на душе.

Женский голос из репродуктора рассказывал им о том, что Гриша с Машей видели и сами, но он делал главное. Самым важным было понимать – они не брошены, не одни! И Самойловы понимали это. «Дорогой жизни» шли в осаждённый город драгоценный хлеб, горячее, металл... Каждый день сквозь метели, огонь и дым героические люди везли жизнь Ленинграду. Политработники, днём так же стоявшие у станков, а вечерами рассказывавшие измученным людям о том, что страна борется, тоже давали надежду: придёт день – и Блокада падёт, придут наши. С этой надеждой девочка жила, а Гриша точно знал, что да – падёт, но до тех пор ещё много дней и ночей. И с этой надеждой они вставали каждый день, с трудом, боясь привычного удара холода, вставали и шли к своему станку.

Ещё они разговаривали. О том, что было до войны, и мечтали о том, что будет, когда придёт Победа. Волшебные, сказочные мечты о том, как счастливо станет жить, когда прорвут Блокаду. Но Гриша и Маша как раз пришли из того времени, когда Блокады не было, правда, не существовало уже и Советской страны, боровшейся сейчас вместе со всеми... Мальчик отлично понимал – случись подобное в девяностых, и... Все бы задрали лапки.

– А ещё каша такая есть, «гурьевская» называется. Она как шоколадная, сладкая-пресладкая, – рассказывала Надя. Эти воспоминания заменяли им сказки на ночь, ведь самым младшим Самойловым вспомнить было нечего.

Маша мечтала о том времени, когда закончится война. Понимая, что без Гриши жить уже не согласна, девочка представляла себе будущее, когда они станут семьёй, погружаясь в свои волшебные сказки. Сильно изменившаяся Машенька, изменив тем самым и Гришу, мечтала о кружке тёплого, непременно тёплого молока, и о хлебе... С маслом и сахаром, как в рассказах Нади.

Где Маша простыла, Гриша не понял, но, надеясь поначалу, что это пройдёт, мальчик

тем не менее старался отогреть девочку. Простуда всё утяжелялась, появился жар, но так как они все втроём ночевали на заводе, то девочку увезли в больницу, что давало какой-то шанс. Гриша дрожал за Машу так, что не мог ни о чём больше думать – только о ней. Ему было безумно страшно от мысли, что девочка не выживет. Потому после смены он с трудом, но доходил до больницы, чтобы помочь хоть чем-нибудь.

Сначала Маше было очень плохо, она балансировала буквально на грани, но в редкие минуты, когда приходила в сознание, девочка видела мальчика или слышала о нём от медсестёр, не прислушивавшихся к тому, о чём просила в бреду больная. Чего они только не слышали. Прогноз у истощённой Маши был сильно так себе, но Гриша где-то нашёл нужные травы, выкопав их из-под мартовского снега. Ради них он пошёл туда, где падали бомбы и снаряды, – на самую окраину города. Редкие в это время травы помогли, девочка медленно пошла на поправку.

– Не умирай, пожалуйста, – попросил Машу мальчик. – Без тебя не будет смысла жить.

– Я... не... умру... – ответила девочка, поражённая его словами. – Я... буду... всегда... И... ты... будешь... – говорить ей было очень тяжело, но Маша справлялась. Уже почти забыв жизнь до, девочка приняла себя новую, а также страну, завод и Блокаду.

Очень помогала Ольга Берггольц. Зовя, требуя – жить! – поэтесса непостижимым образом заставляла бороться. И Маша боролась, а Гриша... Он просто надеялся. Мальчик каждый день надеялся на то, что его девочка выздоровеет. И случилось чудо. По мнению врачей – почти невозможное. Не прошло и месяца, как очень слабая после болезни Маша встала на дрожащие ноги. Это был, пожалуй, праздник.

По некоему стечению обстоятельств в тот день стало теплее – наступала весна. Семья выжила, пережив самое страшное время. Надя радовалась вместе с ребятами, став очень тоненькой, хрупкой, но оставаясь живой. И она жила, как жили и мальчик со своей девочкой. Как жил несдавшийся город.

– Весной будет проще, – люди надеялись, мечтали об этом и очень ждали лета. Всем хотелось тепла, иногда даже больше, чем хлеба.

Казалось, самое страшное, ледяное время прошло, но с весной организмам нужно больше витаминов, а вот взять их было неоткуда. Маше было чуть попроще – в больнице кормили несколько лучше. Давали и молоко – соевое, и горькие витаминные напитки, пахнущие хвоей, а иногда даже сладкие, поэтому девочка смогла вернуться на завод, снова встав к станку.

А Надя поняла, что её трогает только то, что будет со «своими», к которым теперь относились только эти двое, – трупы, умирающие дети, голодные глаза девушку уже не трогали. Она на многое насмотрелась за прошедшую зиму, которую даже описать вряд ли когда-нибудь будет возможно. Иногда Надя думала, почему этих детей взяли на завод, ведь ни одно предприятие не принимало детей младше шестнадцати лет, и не могла найти ответ. Также ей было непонятно, как они могли работать со станком, ведь такой труд очень тяжёл... Но Гриша и Маша работали. Каждой нормой приближая тот самый день, когда наступит Победа.

Но вот девочка уже не планировала, даже не мечтала о том, что будет после, для неё как будто не существовало никакого «дальше», только «сейчас». Всё стало рутиной – и воздушные тревоги, и снаряды, падавшие на город, и саночки... Все чувства и у неё, и у мальчика оказались укрыты мягкой подушкой, оставив только «надо». Но всё-таки что-то было ещё – у Самойловых были они сами.

– Закончится Блокада, – сказала Надя как-то вечером, – будет много хлеба с маслом...

– Не верится, – прошептала в ответ Маша. – Кажется, что навсегда, до самой...

– Не смей так думать! – прикрикнула девушка. – У тебя есть Гриша и я, а у меня есть вы, поэтому всё будет хорошо.

– Всё будет хорошо, – твердо произнёс мальчик. – Иначе быть не может!

Когда-то давно, в прошлой жизни, слушая рассказы о Блокаде, он даже не представлял себе, как оно было на самом деле. Намного страшнее оказалось это время, но и честнее. Возможно, не везде было так, но для Гришки военное время представлялось искренним, каким-то очень открытым, да и люди казались совсем другими. Кто-то озлился, кто-то устал, кто-то пытался отогреть близких, а кто-то, по слухам, озверел. Но вот «хозяев жизни» Гришка совсем не видел и одно это считал добрым знаком. Город, несмотря ни на что, боролся, а проклятых фашистов рвали на куски снаряды, выточенные его руками.

В Ленинграде наступала весна; казалось, должно стать легче, проще жить, но... Впереди было ещё очень много дней и ночей до того самого дня, когда ставший почти родным за долгое время голос с радостью произнесёт: «Прорвано проклятое кольцо». Гриша знал, что этот день наступит.

Несмотря на весну, становилось только тяжелее. Люди по-прежнему падали на улицах, их вывозили... Но уже не было скользко и сделалось теплее, хотя ни Гриша, ни Маша тёплых вещей не снимали – холод, казалось, поселился где-то внутри. Он жил в них обоих, грызя саму душу. Но они продолжали работать, даже падая без сил у станка, потому что за это им давали хлеб, кормили в столовой, стараясь поддержать и хоть немного помочь. Дети получали шанс дожить до завтра.

Гриша иногда чувствовал внутреннюю усталость, желание опустить руки, но не позволял себе это сделать, ведь и Маше было тяжело. Мальчик тормозил свою девочку, и Маша оживала. Под бомбами они зачастую выходили за пределы города – поискать травы, хоть что-нибудь, что могло помочь витаминами, разнообразить отсутствующее меню. Казалось, весной стало ещё страшнее, чем зимой, но это, конечно же, только казалось.

Усевшаяся на скамейку Надя просто не могла подняться. У девушки не осталось, как она думала, совсем никаких сил. Она бы так и осталась сидеть, как многие до и после неё, но беспорядок заметил Гриша, сразу же подбежавший к Наде, а за ним поспешила и Маша, ведь порознь младших вообще уже было не встретить.

– Не могу больше, – вздохнула Надежда. – Просто сил нет...

– Ты должна, – Маша тянула девушку. – Гриша, помоги! – вдвоём они поставили Надю на ноги, принявшись тормозить, отчего та вскоре прогнала своё настроение. Хотя апатия, на самом деле, никуда не делась, будто бы затаившись где-то внутри...

– Гриша, пойдём за водой? – дети были очень истощены, поэтому Маша не могла сама, да и не ходила она никуда одна.

– Пойдём, родная, – мальчик и не заметил, как у него выскочило это слово.

Но девочка в ответ просто коротко прижалась к Грише. Если бы могла, она бы улыбнулась сейчас, только вот улыбки куда-то делись, как и почти все эмоции. Осталось только чувство голода и Гриша, который необыкновенно быстро стал самым близким на свете человеком.

Иногда в сны приходила мама Зина, подбадривая и поддерживая своих детей, снова и

снова находивших в себе силы жить. Даже после смерти мама была с ними.

Глава шестая

Весна тянулась чуть ли не медленнее, чем зима, но спешить детям было некуда. Надежда уже очень хорошо понимала, что не пережила бы зимы, если бы у неё не было этих двоих, и девушка перестала хандрить, проживая день за днём. Всеми тремя Самойловыми овладело какое-то отупение, но тем не менее они продолжали жить и работать. Жить, как требовало Ленинградское Радио. И они жили... Под взрывы, сирены, они жили, как жили рядом с ними друзья. Настоящие друзья, готовые поддержать и помочь.

– Школы открылись, – мастер задумчиво посмотрел на Надежду. – Надо бы твоих туда...

– Кинотеатры тоже открылись, да сил почти нет, – вздохнула девушка. – Но Маша с Гришей ведь работают... Хорошо же работают?

– Ладно, потеряем направление, – согласился сильно сдавший мужчина. – Может, и выживут...

– Спасибо! – Надя не могла улыбаться: пережитое зимой по-прежнему давило на неё, а уж болезнь девочки, чуть не ставшая катастрофой для них всех... Смог бы Гришка пережить потерю Машки?

Вечером девушка рассказала детям о разговоре с мастером, заставив и Машу, и Гришу удивиться, но оба приняли реальность как факт, не стараясь что-то изменить. Ведь если бы их отправили в школу, то отменились бы рабочие карточки... А столовая очень много делала для того, чтобы Самойловы смогли выжить.

– Вы у меня молодцы, – Надя вздохнула, в задумчивости поглаживая своих младших, сидевших рядышком, по головам. – Не представляю... вы в свои тринадцать стоите смены и выгоняете норму за нормой...

– Не надо об этом думать, – произнёс мальчик. – А то будет, как с сороконожкой...

– Когда у неё спросили, как она умудряется передвигать ноги? – тихо спросила Маша.

– Ну да... – кивнул Гриша. – Работаем и работаем, какая разница, как это получается?

– Тоже верно, – кивнула Надежда. – Завтра мы идём в кино, нам билеты выдали в заводоуправлении.

– Кино так кино, – согласилась Маша. – Я не против.

Надя заметила, что жизнь будто бы проходила мимо, ведь они втроём замкнулись на простом цикле: работа-сон-столовая. И всё... Зачастую даже не уходя домой, оставаясь в цеху. С трудом до них могла достучаться Берггольц, почти не воспринимались уже и сводки. Это, безусловно, заметили и старшие товарищи, практически принудительно послав всех троих в кинотеатр.

Хорошей новостью стали трамваи. До сих пор, практически живя на заводе, Самойловы даже не заметили, что теперь домой можно доехать. В этот день их ждало кино... В очередной раз кинотеатр принимал семью. И фильм, полный песен и уверенности в победе, оказался чем-то очень важным. Смутно знакомые песни проникали словно в самую душу, заставляя встряхнуться.

– Иди, любимый мой, родной... – тихо напевала Маша по дороге домой, обнимая Гришу.

– Всё будет хорошо, родная, – вздохнул Гриша.

– Скажи, ты помнишь... – девочка взглянула в глаза мальчика. – Когда?

– Прорыв в январе следующего года, – ответил Гриша, решив не говорить о полном

снятии Блокады, – всё-таки оставалось полтора года, а их ещё надо было прожить.

Этот сеанс сделал очень хорошее дело – он принёс немного тепла в души тех, кого потом, через года, назовут «Блокадниками». Маша, вставая к станку, напевала песню, да и Гриша нет-нет, но тоже пел во время работы. И хотя сил почти не было, он пел. В цеху появлялись улыбки – робкие, натужные, но они яркими огоньками сверкали среди серой обыденности жизни.

Совершенно неожиданно умерла Лидочка – смешливая неунывающая девчонка, работавшая рядом с Машей. Она очень интересно рассказывала о довоенном Ленинграде, увлекая младших Самойловых этими рассказами. И вот... Лида присела у станка, как-то судорожно вздохнула, затем мягко повалившись на бок.

– Гриша! Гриша! – позвала Маша, подбегая к телу, но она уже всё поняла.

– Лида умерла... – констатировал подросток. – Надо мастера позвать.

Глядя на то, как подруга покидает цех, отправляясь в свой последний путь, Маша... не чувствовала горя. Просто не было в её душе ничего, будто деталь увезли. Мягкая подушка в её душе просто отсекала все эмоции. То же самое происходило и с Надей, да и с Гришей. Правда, с Надей в последнее время было не очень хорошо. Появившееся недомогание девушка проигнорировала, понадеявшись на то, что оно пройдёт само.

Так же Гриша отдавал им свой хлеб, которого как-то неожиданно стало больше, но и Надя втайне подкармливала Машу, потому что Гришу подкармливать было невозможно – он оставлял себе самый минимум, полностью сконцентрировавшись на своей девочке. Надя даже пыталась шутить, заботясь о своих младших, но сил оставалось всё меньше. С каждым днём ей становилось всё тяжелее вставать, всё сложнее работать...

Надя не чувствовала себя заболевшей, разве что уставшей. Резко усилилась апатия, начала чаще болеть голова, но Надежда не считала это важным. Болеть ей было некогда – надо работать. Дистрофия набирала обороты, девушка уже временами видела чёрных мушек перед глазами, когда поднималась с места. Состояние ухудшалось совсем незаметно, но Надя по-прежнему ничего и никому не говорила.

Однажды ночью ей приснилась мама. Она была совсем такой же, как и до войны. Зинаида очень грустно смотрела на свою дочь, и они вдвоём стояли в парке. Тяжело вздохнувшая женщина протянула дочери руку.

– Пойдём, Надюша, – произнесла она.

– Как «пойдём»? – удивилась Надя. – А как же младшие? Они там...

– Ты умерла, доченька, – Зинаида прижала к себе Надежду, как-то мгновенно оказавшись рядом. – Теперь у тебя будет свой путь, а у них – свои Испытания.

– Я не хочу, мама! – попыталась заплакать девушка. – Сделай что-нибудь, мамочка!

– Сейчас уже ничего не сделаешь, – женщина покачала головой. – Но когда их путь прервётся, им дадут шанс. Как и тебе – быть вместе с ними. Ведь ты этого хочешь?

– А ты, мамочка? – тихо спросила почувствовавшая себя маленькой-маленькой Надежда. Мама же только улыбалась, а для девушки медленно исчезали Блокада, Ленинград и её «младшие», к которым рвалось сердце так, как будто они её дети.

Не добудившись утром Надю, Маша запаниковала и позвала Гришу. На смену им надо было к вечеру, но они уже привыкли рано вставать и завтракать вместе. Гриша же, только увидев ставшую очень важной для них девушку, всё понял – они остались одни. Совсем одни на целом белом свете. Надя ушла легко, во сне, совсем не мучаясь, и вот теперь Грише предстояло произнести это вслух.

Только представив реакцию Машки на это известие, мальчик вздохнул. Всё было, как в дневнике Тани Савичевой. Теперь из всех Самойловых остались только он да Маша. Гриша помолчал, прижимая к себе уже понявщую, что случилось, девочку. Он оттягивал момент, сколько мог, но смерть никуда не делась.

– Машенька, родная... Наша Надя умерла, – слова упали в замершую тишину комнаты, навеки разделив жизнь на «до» и «после».

– Нет... Нет... Нет... – Маша мотала головой. – Почему она? За что? – слёзы катились по ничего не выражающему лицу, на котором жили только глаза. И глаза её сейчас выражали неверие, панику и такую боль... Просто невозможную...

Пойдя вместе с девочкой ко всё сразу понявшему дворнику, смотревшему на них с грустью, Гриша взял у него тележку. Пожилой, будто иссушенный, мужчина поднялся вместе с ними, чтобы помочь замотать Надю в старую простыню. Он помнил и Зину с Витей, и Наденьку – ещё совсем маленькой девочкой, и от этого видеть её мёртвой было больно.

Осторожно положив тело на тележку и закрепив его бечёвкой, старик только вздохнул, погладив девушку на прощание.

– Пойдём, надо её отвезти... – взявшись за верёвку, произнёс Гриша.

– Да... пойдём... – Маша всё не могла прийти в себя.

Им предстоял долгий путь, последний путь их Наденьки. Держась друг за друга, подростки медленно брели, даже не представляя себе, какой будет жизнь теперь, когда Нади нет. Она стала им обоим почти матерью, будучи абсолютно точно самой близкой на свете. И вот теперь они остались одни.

Мимо проходили люди, совершенно не обращая внимания на бредущих с низко опущенными головами подростков. Сколько их таких ленинградцы видели за это время. Маша молчала, постепенно осознавая изменения, молчал и Гриша. Везти тележку ему было совсем невесело.

Предстояло перейти мост, а там уже и... совсем недалеко за мостом находилось Охтинское кладбище, куда свозили умерших и погибших. Гриша думал о том, что если выживет, то будет приходить к Наде каждый день, ведь она стала им очень близкой. Правда, её смерть поколебала веру мальчика в то, что он выживет. Но нужно было жить – ради Маши. Ради того, чтобы она дышала, ходила, говорила...

Метроном побежал быстрее, предупреждая об обстреле или даже бомбах, но переглянувшиеся Гриша с Машей просто продолжили свой путь. Бросать Надю посреди улицы не поднималась рука. Казалось, эта смерть подкосила обоих, укрыв апатией. Они шли, слыша тревожный стук метронома, время от времени заглушаемый взрывами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5gz>

notes

Автор помнит о том, что правила русского языка рекомендуют писать слово "блокада" со строчной буквы, но в знак уважения и преклонения перед подвигом ленинградцев использует прописную.

Шутишь (сленг).

Знаменитая фраза из Блокадного дневника Тани Савичевой.

Ольга Берггольц.

Ольга Берггольц.

Ольга Берггольц.